

Се Вэнь смотрел на лицо императора, и холод надвигающейся смерти ощущался острее завывающего осеннего ветра. Тщательно обдумав и взвесив слова, сказанные собеседником, он наконец произнёс:

— Ты прекрасно усвоил многое из того, чему я тебя учил, однако так и не постиг даже крупницы милосердия, подобающего мудрому правителю.

— Значит, в глазах учителя я недостаточно добродетелен, верно? — спросил Сяо Сюаньцзянь, уже заранее зная ответ. Он тысячу, десять тысяч раз задавал себе этот вопрос, и каждый раз ответ был одним и тем же — в сердце Се Вэня он не был тем безупречным, отвечающим его ожиданиям правителем.

Се Вэнь промолчал. В этом безмолвном противостоянии мужчина перед ним протянул руку, и его ладонь, уже утратившая прежнюю юношескую неловкость, крепко сомкнулась на запястье своего учителя. Запястье человека, привыкшего держать шахматные фигуры, было бледным и изящным, а кости образовывали элегантный изгиб. Сяо Сюаньцзянь пристально смотрел на его руку, подушечки пальцев поглаживали отчётливые следы от зубов, проявившиеся после того, как исчезла маскировка.

Волчонок опустил голову. Се Вэнь инстинктивно вздрогнул и попытался отстраниться, но крепкая ладонь Сяо Сюаньцзяня удерживала его на месте.

— Учитель... — Он резко сжал пальцы, не смея выпустить чужую руку, однако спустя мгновение всё-таки ослабил хватку, испугавшись причинить боль. Его кадык судорожно дёрнулся. — Я не мудрый правитель. Вы всё ещё нужны мне.

— Я нужен тебе, чтобы стать мудрым правителем? — Тёмные глаза Се Вэня были обращены на него, глубокие и непостижимые, словно тихий пруд. — Устранение инакомыслящих, возвышение доверенных сторонников, сфабрикованные обвинения — нынешний двор и вся страна давно уже стали местом, где всё решает лишь слово вашего величества. После того как я взвалил бы на себя всю вину и скоропостижно скончался, оставив вам прямой и гладкий путь до самого неба, что ещё от меня может быть нужно вашему величеству?

Ему был нужен этот человек рядом.

Он потратил бесчисленное количество дней и ночей, чтобы наконец это осознать. Ему не нужен этот прямой и гладкий путь, как и не нужна слава мудрого правителя в веках. Всё, что его заботило, — это крепко держать всю власть в своих руках. Только так он может использовать любые средства, чтобы удержать учителя рядом, и неважно, сочтут его глупцом или тираном.

Сяо Сюаньцзянь практически ощущал на языке металлический привкус крови. Ему вдруг вспомнились кошмары, которые преследовали его каждую ночь. Ему часто снилось бескрайнее поле высокого тростника: он, ещё мальчишка, бродил среди зарослей, а впереди неторопливо шла фигура в синих одеждах. Он бесконечно бежал следом, звал снова и снова, хотел, чтобы Се

Вэнь обернулся, посмотрел на него хоть раз, подождал его. Но тот рассеивался, словно дымка, будто вовсе не принадлежал этому миру.

Он должен был крепко держать его. Нельзя было отпускать.

— Я не хочу идти по этому гладкому пути, — сказал он глухим и подавленным голосом.

Се Вэнь внезапно почувствовал чудовищную усталость. Эти слова прозвучали для него как насмешка над его последней задачей — нет, над всеми годами упорного труда. Он истощил свой ум и перенёс бесчисленные трудности, чтобы воспитать достойного правителя, но этот некогда послушный ребёнок, расправив крылья, показал свою неконтролируемую натуру.

«Возможно, это моя вина, — подумал Се Вэнь. — Я плохо его обучил».

Подул холодный ночной ветер, и из повозки наконец выскочил второй человек. Чжоу Мянью выхватил меч из ножен и встал перед Се Вэнем, заслоняя его собой. Густо выстроившиеся стражники в доспехах шагнули вперёд, окружая их со всех сторон, словно сеть, смыкающаяся вокруг загнанной добычи.

Сяо Сюаньцзянь не желал отводить взгляд от Се Вэня, но появление Чжоу Мянью действительно привело его в ярость. И причиной был вовсе не меч, обнажённый в его сторону, а приказ его учителя:

— Не смей его трогать.

Даже сейчас повелительный тон Се Вэня вызывал в нём трепет. От этих слов Сяо Сюаньцзянь похолодел до костей, а в голове навязчиво крутилась одна мысль: почему он защищает Чжоу Мянью? От невыносимой горечи он едва не потерял контроль. Ему до безумия хотелось живьём содрать кожу с человека, которого оберегал его учитель.

Стоило Се Вэню договорить, как его тут же схватил этот маленький волчонок, с которым ещё секунду назад можно было вести хоть какой-то диалог. Стражники, подчинявшиеся только Сяо Сюаньцзяню, бросились на Чжоу Мянью. В это же время голову Се Вэня силой повернули в сторону, лишая возможности посмотреть назад, и затолкали в императорский экипаж.

Внутри было тесно и душно, густой аромат дорогих благовоний ударил в голову. Его прижали к полу, намертво удерживая под собой — пошевелиться было невозможно. Чужие руки крепко обвивали его тело, тёмные пряди волос рассыпались у самого уха, а горячее дыхание опаляло щеку. Голос Сяо Сюаньцзяня был хриплым до предела:

— Произнеси моё имя, не говори о других, учитель. Назови меня по имени.

Руки Се Вэня напряглись, сквозь кожу проступили бледно-голубые вены. В этих не

допускающих отказа объятиях ему отчаянно не хватало воздуха — старые раны на запястье и следы укуса на шее вновь напомнили о себе пульсирующей болью.

— Ах ты, щенок... — выругался он себе под нос тихим, прерывистым голосом. — Сяо Сюаньцзянь, какого чёрта ты опять сходишь с ума?

Сяо Сюаньцзянь замер, раздираемый всепоглощающим чувством тревоги. Повозка медленно тронулась, слегка раскачиваясь на ходу, но он так и не смог заставить себя отпустить другого человека. словно упрямый ребёнок, он во что бы то ни стало хотел удержать в объятиях самое драгоценное, что у него было.

— Я был неправ, учитель. Но ты не можешь защищать кого-то другого. Не приказывай мне ради защиты других людей, иначе я захочу убить их. Смотри только на меня, хорошо?

Настала очередь Се Вэня потерять дар речи. Он посмотрел в глаза Сяо Сюаньцзяня, тёмные и пылающие, словно раскалённое лезвие.

Раз уж он так говорит, значит, по крайней мере пока, Чжоу Мянью ничего не угрожает. Се Вэнь откинулся назад, закрывая глаза под мерное покачивание повозки. Голова закружилась, накотившие усталость и сонливость окончательно лишили его сил, и он едва слышно прошептал:

— Отпусти.

Сяо Сюаньцзянь всё ещё крепко сжимал его в объятиях. Услышав эти слова, он склонил голову и запечатлел нежный поцелуй на запястье своего учителя, прежде чем медленно ослабить хватку.

— Разве ты не собирался убить меня? — спросил Се Вэнь. — Передумал?

Сяо Сюаньцзянь уставился на него, не мигая.

— У меня и в мыслях такого не было.

— Маленький лжец. Думаешь, я ослеп и не вижу твоих уловок?

Волчонок поперхнулся, свесив голову, словно понурый пёс. Он лишь хотел привязать своего учителя к себе, сделать его полностью своим. Разве это так неправильно?

— Раньше ты был другим, — продолжил Се Вэнь. — Слушался каждого моего слова.

Сяо Сюаньцянь снова подался вперёд, сократив расстояние до опасного предела.

— Раньше и учитель души во мне не чаял.

Осознав, что его нынешнее положение не обязательно является смертным приговором, Се Вэнь дал волю затаённой обиде и пнул собеседника в ногу.

— Проваливай, — холодно бросил он.

Сяо Сюаньцянь упрямо остался на месте, даже не шелохнувшись.

Как они вообще дошли до такого? Как тот послушный и покладистый юноша превратился в этого безрассудного и бесстыдного волчонка? Се Вэнь был совершенно озадачен.

Но сейчас он слишком устал. То была усталость даже не тела, а души. Столько времени он сохранял бдительность, чтобы в итоге этот пёс всё равно утащил его обратно в своё логово. Недолго погоревав о трёх годах свободной жизни, он незаметно провалился в сон.

Сяо Сюаньцянь оставался рядом и пристально наблюдал. Словно дикий зверь, стерегущий свою добычу, он ни на секунду не сводил с Се Вэня глаз. Это была лучшая бессонная ночь за последние годы. Его опустошённое сердце, внутри которого прежде гулял лишь ветер, вдруг снова наполнилось тяжестью.

Тьма глубокой ночи окутала всё вокруг, когда экипаж наконец вернулся во дворец Цзывэй.

Главный евнух Цуй Шэн поспешил навстречу, и вместе с вереницей младших евнухов они преданно ждали снаружи. Цуй Шэн шагнул вперёд, едва расшитый полог приподнялся, однако тут же застыл на месте, увидев, что их драгоценный император держит кого-то на руках. Плечи этого человека покрывала накидка его величества, и он был так хорошо спрятан в этих объятиях, что даже пряди волос было не разглядеть.

Император нёс его с такой осторожностью, будто прикасался к бесценному сокровищу. Когда Сыну Неба доводилось обращаться с кем-то столь бережно?

Сердце Цуй Шэна сжалось, и он сразу догадался, кто это. Главный евнух низко опустил голову, и младшие евнухи последовали его примеру, уткнувшись взглядом в землю... Учитывая сложившуюся ситуацию, любой, кто осмелился бы лишний раз взглянуть на императорского наставника, вполне бы мог лишиться глаз.

Перемены в Сяо Сюаньцяне произошли не в одночасье. Ядовитые лозы уже долгое время незаметно разрастались в его сердце.

Цуй Шэн не осмеливался произнести ни слова, боясь потревожить сон императорского наставника или испортить настроение его величества. Вместе со свитой он проводил их до самого дворца. Лишь после того, как император внёс другого человека во внутренние покои, главный евнух наконец обернулся и отдал распоряжение остальным:

— Прислуживайте аккуратно, будьте бдительны и берегите головы.

Закончив с указаниями, он последовал внутрь, лично поправил фитиль лампы, заменил благовония и велел приготовить несколько комплектов новой одежды. Подняв глаза, он с удивлением обнаружил, как император сидит у кровати и тонкой цепочкой обвязывает чужое запястье.

Она не предназначалась ни для сдерживания, ни для связывания, но к ней были прикреплены несколько маленьких колокольчиков, звенящих при малейшем движении. Се Вэнь, который всегда спал очень чутко, начал просыпаться от этого шума. Прищурившись, он посмотрел сначала на своё запястье, а затем на оживлённое выражение лица сидящего напротив мужчины.

— За кого ты меня принимаешь? — Он отдернул руку. — За своего наложника?

Сяо Сюаньцзянь схватил его пальцы, упрямо переплетая со своими, и неуклюже попытался успокоить:

— Учитель есть учитель, не похожий ни на кого другого.

— Сяо Цзю, избавь меня от этого представления. Никаких убийств, ты слышишь меня?

Под словами «никаких убийств» явно подразумевалось «не убивай Чжоу Мяня». Улыбка на губах Сяо Сюаньцзяня медленно сползла, сжавшись в прямую линию, а глаза стали тёмными и холодными. Не находящие выхода ревность и собственничество накатывали волнами, смывая остатки рассудка.

Он сделал тяжёлый вдох, опустил голову и сдержанно провёл языком по глубокому следу укуса на запястье Се Вэня.

Волчонок так и не ответил, услышал ли он эту просьбу или нет. В покоях раздавался лишь звон колокольчиков, достаточно тихий, чтобы не потревожить чужой сон.

В бесконечной тишине Сяо Сюаньцзянь ждал, словно в агонии, когда его учитель снова уснёт. И в экипаже, и во внутренних покоях благовония обладали сильным успокаивающим и усыпляющим действием. На него самого они не влияли, как и на приближённых, служивших ему долгие годы, однако Се Вэнь, впервые столкнувшись с ними, естественно поддался их воздействию и почувствовал непреодолимую сонливость.

Никакое снотворное или успокаивающие благовония не могли сравниться с тем чувством спокойствия, которое дарило присутствие Се Вэня в его постели. То необъяснимое ощущение пустоты наконец отступило. Он нашёл своё лекарство, и даже если бы он просто просидел рядом до самого рассвета, в его сердце понемногу разрасталось бы счастье.

Как и Сяо Сюаньцзянь, Цуй Шэн тоже провёл ночь без сна. На рассвете, помогая императору сменить одежду, главный евнух не удержался и тихо спросил:

— Ваше величество, насчёт того человека в зале Цинъюй...

Подчинённый, подсланный Чжоу Мянем. Веко Сяо Сюаньцзяня дёрнулось.

— Пусть прислуживает учителю.

Цуй Шэн на мгновение опешил.

— Если убить его, Хуайюй будет расстроен, — пояснил Сяо Сюаньцзянь, непринуждённо сменив форму обращения. Теперь его волчьи амбиции в отношении Се Вэня стали совершенно очевидны. — Он мягкосердечен, и другие легко могут им управлять. До тех пор, пока власть в моих руках, пока я контролирую всё его окружение, я смогу удерживать его рядом с собой вечно... Второй такой разлуки я не допущу.

<http://bllate.org/book/17270/1641897>